

ИСТОРИОСОФИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье анализируется предметная сфера историософии. Раскрывается место историософских доктрин в истории философской и социально-политической мысли. Прослеживается эволюция теоретических построений историософии.

Ключевые слова: философия истории, историография, методология исторического исследования.

Историософия является признанной отраслью философско-исторического знания (наряду с другой его разновидностью – исторической эпистемологией). Она осуществляет философскую тематизацию, исследование и осмысление исторического процесса как некоей бытийной сферы, объективной данности, одного из важнейших компонентов существования человека. Она стремится выявить его общую природу, основные закономерности и движущие силы. Объектом философского рассмотрения становится в данном случае определенный аспект исторической жизни человечества или же всемирная история в целом. Следовательно, историософия является «...самой общей, предельно общей теорией исторического процесса. Значение этой предельной теории исторического процесса заключается в том, что она представляет собой самый общий метод проникновения в сущность исторических явлений» [1, с. 3].

В западноевропейской исследовательской традиции такая философия истории получила название «*онтологической*» [2, с. 434], «*материальной*» [3, с. 88], «*субстантивной*» [4, с. 11] или «*спекулятивной*» [5, с. 5]. Согласно характеристике Ф.Р. Анкерсмита, в целом совпадающей с традиционной интерпретацией, «...спекулятивная философия истории есть философская рефлексия непосредственно самого прошлого. Она принимает во внимание все, что происходило в прошлом и затем пробует отыскать в этом некое скрытое значение...» [5, с. 5]. Такой тип философии истории нашел выражение в философских концепциях А. Августина, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, И.Г. Гердера, К. Маркса, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Фукуямы, С.П. Хантингтона, К. Ясперса и др.

В отечественной философской традиции спекулятивная философия истории первоначально существовала под именем «*историологии*» – «теории исторического процесса, отвлеченно взятого» [6, с. 83], а впоследствии получила наименование «*историософии*» [7, с. 542], которое и закрепилось в обиходе. Приверженцами историософии в России были Н.А. Бердяев, Л.Н. Гумилев, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Л.И. Мечников, В.С. Соловьев и мн. др. Созданные ими общие схемы мировой и русской истории, размышления о судьбах России, о «русской идее» и месте России среди других народов и цивилизаций сложились в обширную историософскую традицию, ставшую «лицом» отечественной философии и составившую значительную ее часть.

*© Зайцева Н.В., 2012

Зайцева Наталья Валентиновна (ZaitsevaNV@yandex.ru), кафедра философии и истории Самарского государственного архитектурно-строительного университета, 443001, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194.

В теоретико-познавательном плане историософия стремится к решению нескольких основных задач и, прежде всего, к уяснению природы исторического, установлению главных причин и факторов движения истории, обнаружению в событиях прошлого неких общих закономерностей и структур. Она есть «систематическая интерпретация всеобщей истории в соответствии с некоторым принципом, благодаря которому исторические события и процессы связываются в последовательности, чтобы обрести окончательное значение» [8, р. 1]. Выявление подобного рода последовательностей и структурных моментов позволяет, с одной стороны, интерпретировать историю как особую сферу, наделенную собственной бытийной спецификой, а с другой — продемонстрировать ее структурированность и упорядоченность, представив ее, соответственно, как нечто вполне понятное и рациональное.

Решение данной задачи по необходимости связано с утверждением господства в истории разного рода всеобщностей — законов истории в целом или же законов ее отдельных этапов, различных фундаментальных факторов (природных, биологических и пр.), обуславливающих социогенез и социальную динамику. Целенаправленная рефлексия этих последних воспринимается как постижение существенного, главного, определяющего само содержание и ритм истории. Тем самым основополагающей характеристикой историософского подхода к пониманию целей и задач исторического исследования становится установка на *сущностно-онтологическое* осмысление исторической жизни. А это, в свою очередь, позволяет охарактеризовать историософию как «сферу метафизического поиска» [9, с. 2], несущую на себе особый «оттенок метаисторичности» [10, с. 8].

Еще одна существенная задача историософской рефлексии прошлого связана с осуществлением его хронологического и процессуального членения. Выделение этой задачи в качестве основной, как правило, и служило наиболее веским обоснованием выдвигаемых историософами претензий на теоретический статус своей дисциплины. Ведь расчленение истории на эпохи, этапы, стадии и прочие относительно замкнутые в своем содержательном плане сегменты позволяет изобразить ее как упорядоченный процесс, каждый этап которого в значительной мере обусловлен предыдущими и, что еще более важно, детерминирует все последующие стадии исторического развития.

С этим неразрывно связана задача выявления некоей общей формы протекания истории (вариации ее решения существенно разнятся в зависимости от времени создания и философской позиции того или иного мыслителя). Это может быть, к примеру, линейно направленное развертывание, при котором времена не повторяют друг друга, или же историческое движение по кругу; это может быть циклическое движение, не дающее возможности возникновения принципиальной новизны, или спиралевидное развертывание, означающее определенное сочетание в исторической жизни линейнообразного и кругообразного движений и пр. Констатация того, что история движется по восходящей линии, по кругу или по спирали в некоторой степени способствует разрешению проблемы взаимоотношений между всеобщим содержанием истории и ее многообразными конкретно-историческими проявлениями. А это, в свою очередь, позволяет прояснить характер соотношения, определяющего фундаментальную взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим. И, наконец, завершающей задачей историософии можно считать свойственные ей попытки выявить смысл истории, ее цель, конечное предназначение и т. п.

Вполне очевидно, что обозначенные выше задачи ориентированы в своей совокупности на разработку всеобъемлющей *философской теории исторического процесса*. В идеале это должна быть теория, способная в конкретном приложении реализовать некоторые основные цели философствования, а именно определить бытийную специфику исследуемой сферы, установить наиболее общие и фундаментальные структуры,

причины и факторы данной сферы, указать ее отношение к человеку и, соответственно, выявить ее смысловое значение в антропологической перспективе, т. е. с точки зрения индивидуального человеческого бытия. Вкратце задачи историософии сводятся к следующему: «...выявить и указать сущностное содержание, процессуальную форму и смысл истории» [11, с. 7].

Первые историософские построения появились уже в эпоху Античности, когда подвижность и изменчивость социальной жизни истолковывались в соответствии с моделью космического движения в целом. Круговая природа этого движения нашла отражение в представлениях о *циклическом* ритме социально-исторического бытия, идее вечного возвращения и т. п. Впоследствии эти взгляды в какой-то степени стали прототипами тех всеохватных по отношению ко всемирной истории систем, которые разрабатывались европейскими мыслителями Нового времени, начиная уже с Дж. Вико с его идеей исторического круговорота.

С возникновением и распространением христианства (I–IV вв.), внесшего особый смысл в человеческую историю, историософские построения универсального характера стали встречаться довольно регулярно. В них было представлено иное, чем в эпоху Античности, понимание исторического процесса, которое может быть названо *линейным*. Это последнее предполагает в истории определенную направленность, присущую ей внутреннюю логику, конечную цель и особый сакральный смысл для всего совершающегося, ибо главной движущей силой истории здесь провозглашается внешнее Божественное провидение. Тем самым история действительно оказывается *процессом*, упорядоченным и, что самое главное, необратимым потоком бытия, в рамках которого бытие человеческое предстает как неподлинное, телеологическое, подчиненное реализации заранее заданной ему цели.

В Новое время и особенно в эпоху Просвещения историософская система координат вновь подвергается существенным изменениям. Теперь логика истории уже более не задается ей извне, а предстает имманентной самой человеческой деятельности, образующей непосредственную канву исторического процесса. Земная история уже более не воспринимается как история священная, т. е. как временной поток, всецело предопределяемый провидением, — все ее параметры *десакрализируются*.

Одним из наиболее показательных опытов такого рода десакрализации является историческая концепция Дж. Вико. Исходя из признания социального характера человеческой природы, итальянский мыслитель пытается выявить внутренние, скрытые причины развития истории человечества в целом. При этом он дистанцирует земную (человеческую) историю от истории небесной (божественной). Не отрицая роли Божественного провидения, обуздывающего и умеряющего человеческие страсти, Дж. Вико связывает смысл истории с понятием «*естественной необходимости*» — «постоянным и никогда не нарушаемым порядком причин и следствий» [12, с. 398]. Этот естественный порядок предопределяет поступательное движение всех народов и наций, которые идут в своем развитии одним и тем же путем, проходя последовательно три стадии: век Богов (детство), век Героев (юность) и век Людей (зрелость). Достигнув наивысшей ступени развития (зрелости), когда отношения между людьми регулируются совестью, разумом и долгом, человечество заново начинает свой путь, каждый раз повторяя поступательное движение «при возрождении нации» [12, с. 457].

Впоследствии данные идеи Дж. Вико нашли продолжение в философской традиции французского Просвещения, связавшего осмысление истории как особой предметной реальности с эволюцией и развитием разумной природы человека (Ф.М. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо). Специфика просветительского подхода к истории

заклучалась в том, что ее сущностное содержание и смысл неизменно сопрягались здесь с *прогрессом человеческого разума*, а сама история рассматривалась как движение по ступеням этого прогресса.

Наиболее ярко прогрессистский подход к истории выразился в творчестве М. Кондорсе, выделившего *прогресс* в качестве основополагающей тенденции исторического развития, которая только и способна обеспечить неуклонное движение человечества в сторону истины и счастья [См.: 13]. Движение истории, таким образом, приобретает необратимый поступательный характер, ее вектор направлен от некоего несовершенного состояния к состояниям все более зрелым и совершенным. Критерием же совершенства М. Кондорсе считает не что иное, как степень развитости человеческого разума. В его концепции история предстает в виде некоей арены приложения разума или суммы практических воплощений, свидетельствующих об уникальной способности разума к совершенствованию.

Своеобразным итогом и вершиной развития историософской мысли Нового времени стала концепция Гегеля, разработанная в рамках его философской системы абсолютного идеализма. Гегелевский историзм включает в себя два основополагающих принципа: первый – признание *субстанциальности* истории, т. е. наличия в ней в качестве основополагающей субстанции разума, обладающего «бесконечной формой», «бесконечным содержанием» и «бесконечной мощью»; второй – утверждение *целостности* и *телеологичности* исторического процесса, что обуславливает признание в качестве конечной цели всемирной истории сознание духом его свободы. Сама же история, будучи закономерным процессом, всегда остается постоянной, не зависит от конкретных изменений исторических событий и выступает в них истинно деятельностным началом.

Иными словами, всемирная история у Гегеля предстает как «разумное, необходимое обнаружение мирового духа», который проявляет свою единую природу в мировом наличном бытии [14, с. 65]. Всякий раз он развертывается через «дух» отдельных народов, сменяющих друг друга в мировом историческом процессе по мере выполнения ими своей миссии. Именно поэтому каждый народ с присущим ему «духом» и каждая историческая эпоха, будучи неповторимо своеобразными, являются в то же время закономерными ступенями (или моментами) всеобщей истории человечества, имеющей целью осознание свободы и осуществление ее в действительности.

На основании приведенного краткого обзора философских взглядов отдельных, наиболее ярких представителей западноевропейской философско-исторической мысли можно заключить, что XVIII – первая половина XIX вв. стали временем подлинного триумфа историософии, ее наивысшего расцвета. В это время в трудах Дж. Вико, М. Кондорсе, И. Канта, И.Г. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля, О. Конта, К. Маркса были предприняты попытки выявления цели, движущих сил и смысла исторического процесса, выдвинуты и разработаны многие значимые для последующего развития философии истории идеи – теория прогресса, проблема единства исторического процесса и многообразия его конкретных формообразований, вопросы исторической закономерности, свободы и необходимости и др.

Библиографический список

1. Семенов Ю.И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
2. Кимелев Ю.А. Философия истории // Современная западная философия: словарь. М., 1998. С. 434–437.

3. Филатов В.П. Исторический и критический подходы в философии истории // Проблемы методологии: сб. науч. ст., посвященных памяти профессора В.Н. Борисова. Самара, 1998. С. 88–104.
4. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
5. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
6. Кареев Н.И. Философия истории // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1902. Т. 35. С. 843–851.
7. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995.
8. Lowith K. *Meaning in History*. Chicago, 1957.
9. Зайцева Н.В. Историческая философия как сфера метафизического поиска: проблемное поле, специфика концептуальных построений, методология исторического моделирования. М.: Изд-во МГУ, 2005. 198 с.
10. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М.: Магистр, 1997. 328 с.
11. Кимелев Ю.А. Философия истории. Системно-исторический очерк // Философия истории: антология. М., 1995. С. 3–19.
12. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л.: Худ. лит., 1940. 656 с.
13. Кондорсе М. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соцэкгиз, 1936. 265 с.
14. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14 т. М.; Л., 1935. Т. 8. 470 с.

*N.V. Zaitseva**

HISTORIOSOPHY AS SOCIAL AND CULTURAL AND COGNITIVE PHENOMENON

The article analyzes the subjective scope of historiosophy. The place of historiosophical doctrines in the history of philosophical and sociopolitical thought is revealed. The evolution of theoretical creation of historiosophy is traced.

Key words: philosophy of history, historiography, methodology of historical research.

* *Zaitseva Natalia Valentinovna* (ZaitsevaNV@yandex.ru), the Dept. of Philosophy and History, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara, 443001, Russian Federation.